

Трансляция оглашения приговора по «Делу восьми» в Замоскворецком суде. Фото: Александр Барошин

17.03.2014, 11:08 Москва

ИНТЕРВЬЮ

Дмитрий Аграновский: «Выбирая между гласностью и правом на защиту, выберу право на защиту»

Адвокат **Дмитрий Аграновский**, защищавший в «Деле восьми», делится соображениями о проблеме гласности и открытости судов.

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

[ПОДПИСАТЬСЯ](#)

Какова ситуация с открытостью в российских судах на сегодняшний день?

Российские суды довольно часто, особенно суды присяжных, закрывают необоснованно, и есть ряд решений ЕСПЧ, в которых говорится о том, что это неправомерно. Часто формальной причиной является обеспечение безопасности потерпевших. А они даже ни о чем таком не просили. Я с таким сталкивался в судах присяжных. Потому что у судов присяжных довольно высокий процент оправдательных приговоров, а когда в зале нет публики, и обвинение, и суд могут больше себе позволить. В обычных судах, без присяжных, просто маленькие залы, и в этом вся проблема.

То есть в судах присяжных судья объявляет о том, что процесс закрытый?

Да. В УПК перечислены четко определенные причины, когда процесс может быть закрытым. Тем не менее судья может объявить процесс закрытым без каких-либо причин такого рода. Просто процесс объявляется закрытым, и все.

О каких решениях ЕСПЧ вы говорили?

Например, в деле «Владимир Бельшев против России». Бельшева обвиняли в попытке взрыва памятника Петру I в 1996 году. Процесс был закрытым, и он выиграл в ЕСПЧ дело, после чего его приговор был пересмотрен. В частности, в решении было сказано, что неправомерно был закрыт процесс. Только, пока все это происходило, он уже оказался на свободе.

Насколько соответствует российскому законодательству и практике ситуация, сложившаяся на заседаниях по «Болотному делу», когда судья переносит заседания в маленький зал? Сначала даже не было видеотрансляции.

С самого начала у нас были слушания в зале 338 Мосгорсуда, но довольно быстро перенесли в зал для особо резонансных дел, он большой и помпезный. Там

есть место и для зрителей, и для прессы, только он, как ни странно, совсем не приспособлен для слушания дел, потому что наши подзащитные сидят в таком стеклянном шкафу — кто его стаканом называет, кто аквариумом, Европейский суд называет это «шкафы» — в незаконном сооружении, они полностью отделены от защиты и в течение процесса всяческий их контакт с адвокатами исключается. Честно говоря, если выбирать между двумя правами — это ужасный, конечно, выбор, но тем не менее, — если выбирать между гласностью и правом на защиту, то я, конечно, выберу право на защиту. Вот зал 410 Замоскворецкого суда наилучшим образом обеспечивает право на защиту — из-за того, что он просто банально маленький, адвокаты сидят рядом с подзащитными, и можно даже в ходе заседания посоветоваться. Во всех предыдущих залах это было невозможно, они были отделены от нас огромным расстоянием. В зале 303 в Никулинском суде просто большое расстояние между клетками и адвокатами. С другой стороны, действительно, зал 410 маленький, но нельзя сказать, что гласность отсутствует, потому что журналисты попадают, родственники попадают, журналистам можно вести трансляцию из зала, это тоже не возбраняется, есть видеотрансляция. То есть сказать, что это закрытое заседание, нельзя. Вот, например, у меня есть жалоба в ЕСПЧ по делу Юрия Шутова (бывший помощник председателя Ленсовета Анатолия Собчака, бывший депутат Законодательного собрания Санкт-Петербурга, приговоренный к пожизненному заключению по делу о заказных убийствах — ОВД-Инфо). Заседание по его делу провели прямо в «Крестах». Формально оно вроде было открытое, но это же режимная территория. И когда мы написали жалобу в ЕСПЧ когда он ее коммуницировал, то он поставил перед правительством РФ вопрос: по мнению ЕСПЧ, это было закрытое судебное заседание, что тут РФ может возразить? Они придрались к тому, что не было решения

о закрытости, но фактически слушания были закрытые. А вот в Замоскворецком суде нельзя сказать, что они фактически закрытые. Для публики, конечно, стало неудобно, я готов это признать, но право на защиту здесь обеспечивается лучше, чем в этих огромных залах бестолковых.

Вот вы сейчас говорили о разных категориях людей — родственники попадают, журналисты попадают. Насколько законна такая дифференциация?

Конечно, она незаконна.

Ведь здесь уже имеется ограничение гласности.

Неформально люди в таких больших процессах, как правило, сами идут навстречу: обычные слушатели и даже журналисты не против, чтобы первыми входили родственники. Конечно, принцип гласности страдает — залы маленькие, дело вызывает огромный интерес, можно было бы выбрать какой-то другой зал, но у нас это нигде не регламентировано, формально слушания открытые, они не на закрытой территории, формально кто-то на них присутствует, так что здесь подкопаться сложно. Неуважение к гражданам, конечно, присутствует, это однозначно. Но закон не нарушается.

Каким образом можно обжаловать ограничение гласности?

На действия службы судебных приставов можно пожаловаться в Управление судебных приставов. Можно в прокуратуру пожаловаться.

Обязан ли суд переносить заседание в больший зал, если не хватает мест, или вести видеотрансляцию?

В постановлении Пленума Верховного суда есть формулировка «при наличии технической возможности».

С такой оговоркой они всегда докажут, что возможности нет. Ну вот нет у них в Замоскворецком суде большего зала, и все тут, хотя он и есть. На самом деле, техническая возможность в наше время есть практически всегда.

В Никулинском суде в этот раз даже микрофонов не было, а когда там рассматривалось «Дело 40 нацболов» в 2005 году, микрофоны были без проблем.

Безусловно, гласность в таких делах важна и необходима как один из важнейших инструментов, которые могут повлиять каким-то образом на суд и на приговор. Я в этом ничего плохого не вижу, хотя у нас иногда говорят, что это давление на суд.

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ

Болотное дело

Уголовное дело, заведенное после столкновений в Москве на Болотной площади 6 мая 2012 года. Преследованию подвергнуто более 30 человек, одно из самых крупных политических дел современной России.

109 446